
КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ

Л. Е. ГРИНИН, А. В. КОРОТАЕВ

ИСТОРИЯ И МАКРОЭВОЛЮЦИЯ

Показаны новые возможности сопоставления исторических и эволюционных аспектов социальной реальности. Авторы обосновывают понятие социальной макроэволюции как особого «инновационного» измерения социальной эволюции и вводят понятие социального ароморфоза как редкого качественного макроизменения, которое значительно повышает сложность, приспособленность и взаимное влияние социумов. Авторы обосновывают целый ряд оригинальных идей, в том числе показывают, в чем заключаются сформулированные ими правила «платы за ароморфный прогресс», «особых условий для появления ароморфозов» и другие.

Вводные замечания: время, события, процессы, факты

Споры о возможности и пределах применения к истории номотетических подходов, равно как иных теоретических и формализующих средств анализа (например, математических), имеют уже солидный возраст¹. С одной стороны, история, если рассматривать ее только как уникальную совокупность событий и явлений, которые однажды случились в определенном месте, трудно поддается обобщениям и тем более генерализующим концептуальным построениям. Вот почему в определенной мере сохраняет свое значение знаменитое деление В. Виндельбанда и Г. Риккерта всех наук на науки, использующие *номотетические* методы, т. е. отыскивающие общие законы, обобщающие и генерализующие явления, и науки, использующие *идиографические* методы, т. е. описывающие индивидуальные и неповторимые события и объекты. К последним Риккерт причислял и историю, целью которой, по его мнению, всегда является изображение единичного, более или менее обширного

¹ Нам также уже приходилось затрагивать некоторые аспекты этой проблемы (см., в частности, выпуски альманаха «История и Математика», в особенности его первый выпуск [Гринин, Коротаев, Малков 2006], в том числе: Введение [Гринин, Малков, Коротаев 2006], Гринин 2006; Коротаев 2006; см. также: Гринин, Коротаев 2009).

хода развития во всей его единственности и индивидуальности (см., например: Риккерт 1998: 166 и др.). При таком подходе история выступает лишь как наука о единичном, иными словами, в этом случае основанием считать ее наукой будет только использование научных методов установления этих единичных фактов².

Но, с другой стороны, преувеличивать вышеуказанные различия между науками неразумно. Если все познается в сравнении, то любая особенность и уникальность может быть понята лишь на основе сравнения ее как с типичным, так равно и с другим уникальным явлением³. Как типичные, так и индивидуальные события могут быть поняты глубже, если использовать разные ракурсы их анализа, среди которых «ракурс» временной удаленности – один из важнейших. По этим и многим другим причинам история все заметнее изучается именно как процесс или, точнее, совокупность различных процессов, в ходе которых можно увидеть «волны» и «циклы» различной длительности: от нескольких лет до нескольких сотен и даже тысяч лет (см. литературу на эту тему: Гринин, Коротаев 2009: гл. 1). Если птицелов или орнитолог изучает особенности звучания трелей птиц, а художник-маринист – палитру оттенков морской воды, то, естественно, теории о сходстве световых, звуковых и иных квантово-волновых явлений, в принципе, для их целей не нужны. Однако это не умаляет того обстоятельства, что за внешними удивительно разнообразными явлениями все-таки можно обнаружить и некие важные общие свойства (а именно они, в конце концов, и позволили физикам превращать одни явления в другие)⁴. В каком-то смысле подобная аналогия может быть рас-

² В этой связи уместно вспомнить, что известный английский философ истории Р. Дж. Коллингвуд (1980: 255) находил определенное сходство в деятельности историка и следователя, а, как известно, следователь, раскрывая цепь индивидуальных событий в преступлении, опирается на криминологические науки.

³ Другими словами, любые индивидуальные события могут сравниваться с какими-то иными событиями, таким образом выясняется степень индивидуальности и уникальности феноменов, а также степень их сходства и возможности объединения таких событий в некие анализируемые ряды. Образно говоря, любые как исторические, так и эволюционные события, явления и процессы можно поместить как в ряд общего, так и в ряд особенного (см. подробнее: Гринин 1997).

⁴ Мы сознательно не используем здесь понятий сущности и явления, которые как бы априорно устанавливают иерархию важности элементов исследовательского процесса, в результате чего факты обычно занимают в этой иерархии менее значимое положение, чем выводы, в то время как важность элементов познания определяется в первую очередь исследовательской целью, и потому понятие сущности, если его и имеет смысл использовать, играет не онтологическую, а лишь инструментальную и в целом весьма условную роль (см. подробнее: Гринин 1997).

пространена и на исследование истории. Когда историк сосредоточивается на политических или военных событиях определенной эпохи, доказательстве аутентичности текста, толковании спорного термина и т. п., проблемы социальной эволюции, вековых циклов или стадий эволюции государства его справедливо могут не волновать.

Тем не менее, подобно тому, как тончайшие оттенки звуков или света на определенном уровне сходятся к единой материально-энергетической субстанции/структуре, так и внешне совершенно различные по длительности, уникальности, новизне, значимости и т. п. исторические события, процессы и явления все же имеют и некие общие вполне реальные основы, причем выражаемые во вполне исчисляемых единицах. Мы полагаем, что **такой общей базой в социально-исторических феноменах должен быть признан временной характер любых исторических событий. При этом временные векторы, помимо сравнимых количественных величин, характеризуются также однонаправленностью, а последняя может придавать многим социальным изменениям характер процессов, поскольку процесс – это всегда определенным образом направленный поток изменений.** Таким образом, мы всегда говорим о тех или иных направленностях в истории, поскольку само время имеет направление. Поэтому историческое исследование в большинстве случаев представляет собой некий событийный ряд, упорядоченный, по крайней мере, последовательностью во времени, но обычно еще, как правило, и некоей каузальной логикой или более сложной зависимостью в виде, например, нелинейных положительных и отрицательных связей первого, второго и более высокого порядка; обусловленностью, т. е. той или иной вероятностью совершения самих событий. Эти временные и каузальные «связанности» историк осознанно или интуитивно оформляет в соответствии с известными ему правилами установления и описания фактов и событий, причем чем талантливее и значимее он как специалист, тем яснее проглядывает в его работах процессность, глубинная каузальная связанность событий и их более или менее обоснованная «оформленность»⁵. Неудивительно,

⁵ Но стоит заметить следующее: хотя уникальные и неповторимые события по определению всегда представляют собой изменения, эти изменения, однако, происходят всегда на фоне и на базе относительно неизменных и/или повторяющихся структур и круговоротов (например, хозяйственных, жизненных, возрастных и иных циклов). Естественно, что неизменность и повторяемость почти всем историкам гораздо менее интересна. Точно так же и в

что стремление разделить собственно историю как некое осмысление событий, с одной стороны, и хроники, «фактологию», чистый нарратив и т. п. – с другой, очень часто встречается у теоретизирующих историков и философов истории (см., например: Walsh 1992).

Среди различных потоков изменений и движений, конечно, выделяются более упорядоченные, особенно процессные, потоки, и менее упорядоченные или даже стохастические, «вихревые», «бруновские» движения. Однако опыт развития науки убеждает, что впоследствии и в этих неупорядоченных явлениях в том или ином аспекте – но обычно уже на другом уровне исследования – все же нередко удается выделить некие процессы, циклы или завершенности. **Таким образом, как историки, так и социологи (только на разном уровне масштаба обобщения) осмысливают временные последовательности и событийные ряды, которые в результате их анализа могут быть представлены и как процессы.**

Мало этого, историки так же, как и исторические социологи и социальные эволюционисты, имеют дело вовсе не с простыми фактами, которые надо только правильно описать, а со сложными событийно-временными комплексами и еще более сложными их интерпретациями и верификациями. Такие взгляды являются уже достаточно устоявшимися в современной философии истории и эпистемологии. Иными словами, даже самые «простые» факты, оказывается, невозможно признать предельно простыми, поскольку, во-первых, каждый факт в итоге выступает сложным сочетанием массы событий (см., например: Арон 2004); во-вторых, каждый факт не дан сам по себе в опыте, а, по сути, требует придания высказыванию или свидетельству особого смысла; в-третьих, каждый факт сам по себе выступает «малой теорией» и т. п. (о сложности интерпретации исторических фактов см., например: Walsh 1992; Stanford 1998; Данто 2002). Очевидные и ясные исторические факты вроде конкретных битв, реформ, действий на практике выступают как сложные комбинации иногда миллионов событий, явлений и фактов, которые никто и не мог бы зафиксировать или проанализировать полностью (да это и не имело смысла). В самом деле, что значит факт сражения при Каннах, Бородинской или любой

анализе макроэволюции прежде всего обращается внимание на изменения, которые, однако, всегда соседствуют с более или менее простым повторением базовых циклов (о таких циклах, а также о различиях между эволюцией и развитием см.: Гринин, Коротаев 2007; 2009).

другой крупной битвы? Сколько единичных событий вмещает подобный «факт», если в нем действовали одновременно десятки или даже сотни тысяч человек? И тем более, если говорить о сражениях мировых войн (см. по этому поводу: Арон 2004: 15)⁶.

Таким образом, на любом поле исторического исследования в определенном плане или смысле мы всегда имеем дело не с уникальными фактами и событиями, а с более или менее упорядоченными временными и событийными процессами (причем сложным, косвенным образом установленными и дополнительно интерпретированными), что до известной меры сближает предмет исследования историков и тех, кто исследует на базе исторических данных более явные и длительные процессные последовательности. Это также делает необходимой разработку методологии, с помощью которой можно представить историю как совокупность различных по характеристикам процессов, а в целом – как единый процесс (исторический процесс [см., например: Гринин 2003; Гринин, Коротаев 2009: гл. 2]).

В настоящее время, как уже сказано выше, активно исследуются самые разные временные последовательности, «волны», «циклы» и т. п. При этом, на наш и ряда исследователей взгляд, в области социальной эволюции особый интерес представляют наиболее длительные по времени зависимости циклы, тренды и последовательности (например, прослеживаемая на протяжении многих тысячелетий демографическая, производственная и иная динамика Мир-Системы и исторического процесса в целом [см. подробнее: Гринин 2003; Гринин, Коротаев 2009]). Мы считаем, что от масштаба, длительности, «оформленного» или стохастического характера изменений, от распространенности, изученности и т. п. явлений во многом зависят выводы о характере самого исторического развития – является ли этот характер детерминированным, случайным, закономерным, причинным, линейным, нелинейным, вероятностным, цикличным, бифуркационным и т. п. При этом чем более активно будут обнаруживаться различные повторяемости и сходства в самых разных по характеристикам и длительности временных и событийных рядах и между ними, тем лучше удастся увидеть фундаментальные сходства в различных исторических и со-

⁶ Стоит также обратить внимание, что и Г. Риккерт в вышеприведенном фрагменте говорил о единичном в истории как «о более или менее обширном ходе развития» (Риккерт 1998: 166).

циальных процессах, глубже понять природу и особенности того огромного событийного поля, которое называют историей и социальной эволюцией.

Исходя из сказанного, в этой статье мы сосредоточились даже не на эволюционных, а на макроэволюционных процессах, при этом показываем, как связаны такие процессы и макроход истории с особыми, узловыми, переломными инновациями, которые мы назвали социальными ароморфозами. Таким образом, упрощенно говоря, социальная макроэволюция может быть представлена как особое «инновационное» измерение социальной эволюции. Тут кстати заметить, что современная постнеклассическая наука все заметнее сосредоточивается именно на исследовании уникальных, переломных, бифуркационных и прочих нелинейных процессов, в которых особую значимость приобретают именно неповторимые, уникальные, в какой-то мере случайные события, но ставшие релевантными для макроэволюции, изменив ход дальнейшего развития⁷. Однако такая «постнеклассичность» имеет сходство с методом историографии, поскольку в истории значимые, но, казалось бы, случайные или маловероятные события, совершившись, далее становятся данностью, которая определяет будущую последовательность событий или, по крайней мере, придает ей особый вид и характер.

Таким образом, история и макроэволюция имеют, возможно, неожиданно много общего не только в предмете, но и в способе представления явлений, в историческом взгляде на ход процессов, в результате того, что и там, и там реализуется лишь одна из многих возможностей. Определение же степени подготовленности, закономерности/случайности, вероятности и т. п. данного варианта совершения событий, равно как степени его влияния на последующий ход развития, и составляет важнейшую часть работы как историка, так и эволюциониста. При этом в обоих научных направлениях следует также видеть не просто причинно-следственные связи, но гораздо более сложные нелинейные зависимости и взаимосвязи, в том числе положительные и отрицательные связи первого, второго и более высокого порядков.

⁷ Поэтому справедливо считается, что в постнеклассической науке на смену таким постулатам классической науки, как простота, устойчивость, детерминированность, выдвигаются постулаты сложности, вероятности, неустойчивости. Синергетика является в этом плане одним из самых ярких примеров постнеклассической науки.

Социальная макроэволюция и социальные ароморфозы

Общеизвестно, что в XX веке, особенно в первой его половине, исследования социальной эволюции длительное время были в опале в западных странах и особенно в США. Возрождение интереса к этим проблемам в США (получившее название неозволюционизма) началось только в 40–50-е годы XX века с работ Лесли Уайта и Джулиана Стюарда, а затем в 50–70-е годы в этом направлении активно работали такие антропологи и социологи, как Маршалл Салинс, Элман Сервис, Герхард Ленски, Талкотт Парсонс, Роберт Карнейро, Марвин Харрис, Стивен Сандерсон, Хенри Классен и некоторые другие (White 1949; Steward 1949; 1972 [1955]; Service 1962; 1975; Sahlins 1960; 1972; Sahlins, Service 1960; Lenski 1966; 1970; Parsons 1966; Sanderson 1990; 1999; Carneiro 1973; 2000; 2003; Harris 1968; 1979; Claessen 1989; 2000b; Классен 2006).

В последние десятилетия, хотя сам термин «социальная эволюция» и оставался относительно востребованным в научном дискурсе, теоретическое исследование в области социальной эволюции, к сожалению, не слишком заметно прогрессировало, а многие работы оставались на описательном и даже примитивном уровне. Поэтому неудивительно, что антиэволюционное течение по-прежнему является очень влиятельным.

В настоящей статье, однако, речь пойдет только об особом измерении или типе социальной эволюции – социальной **макроэволюции**. В отношении социальных изменений термин «макроэволюция» звучит, конечно, непривычно. «Макроэволюция» – это термин, который (равно как и термин «**микроэволюция**») гораздо чаще используется в биологии, где эти понятия имеют более ясное и устоявшееся значение, хотя макроэволюция как процесс, к сожалению, изучается недостаточно и в биологии, в которой исследованию микроэволюции посвящено гораздо больше работ, чем макроэволюции. В социальных науках понятие макроэволюции в каком-либо концептуальном и оформленном виде, к сожалению, просто отсутствует, а пропорция в пользу микроэволюционных исследований на порядок сильнее, чем в биологии. Тем не менее, и сам термин, и данное поле исследований очень важны для социальной науки, для того, чтобы теория социальной эволюции приобрела более глубокую концептуальность, а эволюционизм, говоря словами Х. Й. М. Классена, превратился в научную деятельность по поиску

номотетических объяснений для качественных изменений (Claessen 2000a: 2).

В контексте данного исследования мы рассматриваем **социальную макроэволюцию как такой тип социальной эволюции, в рамках которого наблюдаются крупные и крупнейшие изменения (инновации), которые оказали важнейшее влияние на ход исторического процесса в целом, а не только на историческую судьбу отдельных обществ и цивилизаций.** Естественно, что такие в дальнейшем универсально перспективные ответы на возникшие в ситуации бифуркаций вызовы, удачные решения сложных проблем обычно (хотя и не всегда) появлялись в каких-то конкретных обществах. Но они, с одной стороны, были подготовлены предшествующим развитием (в том числе и эволюционно неудачным) целого ряда обществ и потому могут считаться общим, эволюционно синтезированным решением, а с другой – они раньше или позже оказывались востребованными многими обществами, цивилизациями, Мир-Системой или даже человечеством в целом. Поэтому такие важные инновации из-за своей особой значимости заслуживают и особого теоретического исследования, и даже больше – особой теории таких изменений.

К сожалению, в работах, посвященных социальной и культурной эволюции, подобная классификация эволюционных изменений отсутствует. Зато в теории биологической *макро*эволюции она в более или менее оформленном виде имеется. Поэтому мы считаем, что использование важных теоретических достижений биологической макроэволюционной теории, в том числе некоторых терминов – разумеется, при творческом использовании и с неременным учетом специфики социальной эволюции – может оказаться достаточно продуктивным (некоторый опыт такого заимствования см.: Гринин, Коротаев 2007; 2009; Гринин, Марков, Коротаев 2008). Использование некоторых биологических терминов является вполне оправданным, поскольку социальным наукам как более поздним по времени достижения зрелости вообще свойственно подобное заимствование из естественных наук – от геологии до синергетики⁸. И если в социальной науке удобный термин отсутствует, то почему бы

⁸ С другой стороны, известно, что сам термин «эволюция» возник не в биологии, а в философии (он был введен в научный дискурс Г. Спенсером). А Ч. Дарвин заимствовал некоторые ключевые понятия для своей теории (в частности, понятие «борьба за существование») и из теории Т. Р. Мальтуса.

его не взять из более развитой науки? Мы полагаем, что использование выводов и принципов теории биологической эволюции для анализа процесса социальной эволюции вполне правомерно, допустимо и продуктивно, но только в строго определенных и оговоренных случаях и масштабах. В процессе нашей работы по адаптации некоторых биологических терминов к описанию социоэволюционных феноменов, к особенностям социальной эволюции выяснилось, что такой подход в принципе оказывается весьма продуктивным, повышает операционность используемой терминологии (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2007; 2009; Гринин, Марков, Коротаев 2008).

Одним из важных терминов, который используется нами, является *ароморфоз*. Под ароморфозами часть российских биологов-эволюционистов вслед за А. Н. Северцовым (1939; 1967) понимает появление у организмов в процессе эволюции таких приспособлений, которые в дальнейшем приобретают широкое распространение, в результате чего группы организмов (виды или более крупные таксоны) могут выйти на более высокий уровень организации и расширить использование внешней среды (см., например: Северцов А. С. 1987: 64–76). Примерами биологических ароморфозов можно считать, в частности, такие эпохальные изменения, как переход части многоклеточных животных к жизни на суше; переход от дыхания кислородом, растворенным в воде, к дыханию атмосферным воздухом; образование четырехкамерного сердца при переходе от рептилиеподобных предков к млекопитающим и т. д. (см., например: Северцов А. С. 1987). Вышесказанное позволило нам ввести специальное определение социального ароморфоза как универсального/широко распространенного изменения/инновации в развитии обществ и их систем, которое повышает сложность, приспособленность, интегрированность и взаимное влияние социумов (см.: Гринин, Коротаев 2007; 2009; Гринин, Марков, Коротаев 2008).

В результате социальных ароморфозов: а) повышается уровень сложности обществ и увеличиваются возможности для них расширить (изменить) природную и социальную среду их существования и функционирования (в виде, например, роста населения и/или производства), а равно степень их устойчивости в отношении влияния среды; б) увеличивается скорость не разрушающих общественную систему развивающих изменений, включая скорость за-

имствований; в) растет степень интегрированности обществ, создаются особые стабильные надсистемы (например, цивилизации, экономические и военные союзы) и надобщественные зоны, центры и особые надобщественные сферы, не принадлежащие ни одному обществу в отдельности; г) увеличиваются темпы эволюции в направлении создания сверхсложных предельных суперсистем (мир-систем, человечества), в рамках которых каждая общественная система, оставаясь автономной, становится частью такой сверхкрупной системы и развивается в ее рамках за счет специализации и особого внутрисистемного разделения функций.

В качестве примеров социальных ароморфозов можно привести: переход к производящему хозяйству; появление государства; возникновение письменности; переход к металлургии железа; появление мировых религий; использование паровой и электрической энергии и т. п. Причем те из перечисленных (а также не упомянутых здесь) ароморфозов, которые первоначально носили производственный характер, в конечном счете привели к грандиозным социальным, политическим, культурным и иным изменениям.

Стоит заметить, что уже в биологической эволюции от ароморфоза к ароморфозу растет и вероятность возникновения последующих ароморфозов (Северцов А. С. 1987: 73), в социальной же эволюции это свойство усиливается на порядки. Важно, что биологи акцентируют внимание на том, чтобы различать более и менее крупные ароморфозы, например, по критерию оценки преобразований организации таксона с точки зрения широты (расширения) адаптивной зоны, которую эти преобразования позволяют занять потомкам по сравнению с предками (Там же: 65). Методологически такой подход очень важен и для оценки степени значимости социальных ароморфозов, которые можно классифицировать по объему и уровню распространения, а также по степени влияния на ход социальной макроэволюции.

Можно выделить разные типы ароморфозов; некоторые из них ведут к не особенно важным (или не получившим распространения) качественным изменениям; другие – к более существенным качественным изменениям (например, к появлению нового уровня управления или сложности в обществе). Но помимо этого есть еще ароморфозы особой значимости, появление которых создает возможность для **эволюционно проходных, универсальных и сис-**

темных качественных изменений⁹. Можно говорить, по крайней мере, о пяти уровнях ароморфозов по масштабу и степени распространения и влияния: от качественных инноваций в рамках отдельного общества до предельных надобщественных систем: Мир-Системы и человечества (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2007; 2009: гл. 1; Гринин, Марков, Коротаев 2008: гл. 1). В рамках данной статьи мы рассматриваем *социальную макроэволюцию как такой тип социальной эволюции, в рамках которого наблюдаются надсоциумные ароморфозы высших типов.*

Нам кажется продуктивным предложение Х. Й. М. Классена рассматривать эволюцию как «процесс структурной реорганизации во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы» (Классен 2000: 7)¹⁰. Исходя из данного определения, о *социальной эволюции* в принципе тоже можно говорить как о процессе структурной реорганизации обществ или институтов во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы, что, как правило, дает такому обществу определенные преимущества (в широком смысле) в его взаимодействии с природной или социальной окружающей средой в настоящем или в будущем. Однако без инструмента, с помощью которого можно определить эволюционную важность таких структурных реорганизаций, их перспективность или тупиковость, понять общий ход эволюции трудно. К сожалению, в работах, посвященных социальной и культурной эволюции, подобная классификация эволюционных изменений практически отсутствует. Понятие социального ароморфоза, по нашему мнению, может помочь в создании такой типологии и классификации. Кроме того, оно позволяет отделить эволюционные изменения обычного типа от особых эволюционных изменений. **Макроэволюционные ароморфозы, определяющие в дальнейшем развитие большого количества обществ, есть особого типа качественные изменения.** А следовательно, их нельзя смешивать с качественной реорганизацией любо-

⁹ Под проходными изменениями подразумеваем такие, которые обладают способностью далее использоваться на протяжении очень длительных эпох и в очень широком масштабе, фактически оказывающиеся «победителями» в эволюционном отборе. Под универсальными — те, что рано или поздно распространяются в рамках всей Мир-Системы. Под системными — те, которые ведут к изменениям практически во всех сферах социальной жизни.

¹⁰ Подробнее анализ этого определения эволюции, а также определения Г. Спенсера и некоторых других см.: Гринин, Коротаев 2007; 2009: гл. 1; Гринин, Марков, Коротаев 2008.

го рода, тем более что такие изменения и происходят исключительно редко. Диверсификация происходит на всех уровнях практически всегда, в то время как движение «вверх» наблюдается крайне редко, замечает Тим Инголд (Ingold 1986). Еще реже наблюдаются ароморфозы (как биологические, так и социальные). При этом, как показано ниже, хотя подобные ароморфозы первоначально появляются в одном или немногих социумах, в то же время они фактически есть результирующая развития многих обществ. И эту диалектику сочетания в них всеобщего и особенного очень важно учитывать¹¹.

Таким образом, введение термина *социальный ароморфоз* и уровней релевантности ароморфозов, по нашему мнению, придает теории социальной макроэволюции (и социальной эволюции в целом) большую операциональность.

Исторический отбор и ароморфозы

На протяжении многих тысяч лет социальное развитие происходило относительно медленными темпами, напоминая на сравнительно не слишком длительных временных интервалах движение монотонно поворачивающегося на одном месте колеса (Гойнби 1991). И в то же время это был тяжелый и разрушительный процесс, в результате которого методом естественно-исторического отбора с помощью бесчисленных проб и ошибок, гибели, поглощения и уничтожения неудачных или неэффективных форм постепенно выявлялись удачные и эффективные. Выигрывал тот, кто вовремя и наиболее эффективно давал ответ на внешний вызов, был наиболее сильным, энергичным, сплоченным, организованным и т. п. Нередко в лучшем положении оказывались просто наиболее удачливые, «везучие» – защищенные от набегов кочевников, живущие на островах и т. п. Исторический «естественный» отбор (как, впрочем, и биологический) поэтому неразрывно связан со случайностями. Таким образом, упрощенно говоря, внешние движущие силы (природа, социальное окружение) воздействовали на общество так, что создавали возможности для реализации неких потенциалов, а различные контакты и заимствования способствовали распространению того, что доказывало себя наиболее эффек-

¹¹ Но нередко это такие общества, эволюция которых сама по себе относится уже к макроэволюционному уровню. Например, такой была Римская империя, в которой появилось христианство.

тивным. В ходе такого отбора, интеграции и конкуренции в редких случаях появлялись и ароморфные инновации, которые потом часто длительными и сложными путями усовершенствовались (обычно уже в других обществах) и более или менее широко распространялись. При этом чем теснее связаны общества, тем больше возможность проявления и распространения достижений.

Вопрос о том, почему вообще и почему в данной конкретной пространственной и временной локализации, а также каким образом происходили такие качественные рывки и трансформации; почему они происходили в одних и не совершались в других обществах; чем отличается качественная эволюция от обычных изменений и т. п. продолжают оставаться остро дискуссионными как в исторической науке, так и в эволюционной теории.

Теория социальной макроэволюции и социальных ароморфозов позволяет анализировать эти проблемы более продуктивно. Но чтобы увидеть это, необходимо остановиться на распространенных подходах в отношении к переходу к принципиально *новому, т. е. до этого времени неизвестному вообще или в отношении данного общества качеству/состоянию, уровню*. Стоит повторить, что такой переход, особенно если он происходит впервые (или независимо) в макроэволюции, и есть возникновение и распространение социального ароморфоза. Мы полагаем, что крайне важно отказаться от представления, будто такой переход к новому состоянию есть процесс изменений, в основных своих моментах запрограммированных предыдущим развитием и лежащих «внутри» обществ, подобный последовательным стадиям онтогенеза (т. е. в нормальных условиях приводящий к превращению зародыша во взрослую особь на основе разворачивания генетического кода). Ведь любой генетический код (если только он не подвергся значимой мутации) обеспечивает развитие только по известным уже и тысячекратно опробованным образцам. Мало того, он препятствует любым, тем более качественно новым изменениям, он ведь и призван не допустить отклонения от программы. Общеизвестно, что генетические мутации обычно возникают при отклонениях внешних условий от нормы и абсолютное большинство из них нейтральны или вредны. Эволюционное же развитие, т. е. продвижение социальных организмов к приобретению нового, до этого момента неизвестного ароморфного качества, всегда связано с появлением «новизны», особенно с появлением новых, в той или иной степени небывалых прежде проблем (для данного социума или даже Мир-Системы в целом), таких, на-

пример, как резкий рост населения до неизвестного прежде уровня, острая нехватка земли, появление опасных врагов, раскол и гражданская война в прежде мирных социумах, резкое социальное расслоение, небывалое ухудшение экологической ситуации, обвальное нарастание количества информации и т. д. И тут стоит обратить внимание на огромную роль внешних факторов среди этих проблем или вызовов. К сожалению, этот аспект вопроса все еще недоучитывается как в отечественной, так и в зарубежной науке. Например, распространена тенденция преуменьшать роль войн и завоеваний в процессе образования государственности. Так, согласно Х. Й. М. Классену, войны и завоевания в процессе образования государства играли менее важную роль, чем идеология или социальная стратификация (Claessen 1989; 2000a; 2002; Классен 2006). Советской же науке и вовсе был свойствен принцип приоритета внутренних процессов перед внешними. Так, Л. Е. Куббель полагал, что необходимо отстаивать «тезис об определяющем значении внутренних факторов в процессе становления классового государства» (Куббель 1988: 214, 230). Даже некоторые принципиальные критики советского наследия в отечественном обществоведении полагают, что только «внутренние метаморфозы первобытных социумов» есть закономерные процессы. А межплеменные конфликты и войны, хотя они на практике и имели широкое распространение, следует расценивать как незаконномерные (Хоцей 2000: 42)¹².

Однако только новых вызовов для серьезных изменений явно недостаточно. Дело в том, что большинство обществ «отвечают» на новые проблемы старыми, привычными, опробованными способами. Естественно, что такие «ответы» не всегда являются эффективными. В результате множество социумов гибнет, исчезает, теряет самостоятельность.

Так, после ухода в 410 году н. э. из Британии римских войск бритты (романизированные британские кельты) в поисках защитников от набегов ирландских и шотландских варваров пригласили к себе саксов и дали им землю (осуществив тем самым определенную социальную инновацию, впрочем, уже неоднократно апробированную в римском мире с его практикой «воевать против варваров

¹² Подробнее критику подобных подходов, а также вопрос о роли войн и других внешних факторов в процессе образования государства см.: Гринин 2007в; Гринин, Коротаев 2008; Grinin 2003. Но подчеркнем, что разделение на внешние и внутренние факторы в чем-то условно, поскольку внешние в одной системе координат силы в другой системе становятся внутренними (подробнее см.: Гринин 2007г; Коротаев 1997; 2003).

руками варваров»). Но саксы, увидев слабость британцев, вскоре перестали повиноваться местным властям и в конце концов вместе с англами и ютами стали хозяевами в стране. А бритты, несмотря на долгое и упорное сопротивление, были частично изгнаны, а частично уничтожены или порабощены. Поэтому в Британии вместо «бриттского» государства появились варварские англосаксонские королевства (Blair 1966: 149–168; Мельникова 1987: 8–11).

Но иногда социальные организмы все же вынуждены отвечать действительно по-новому; порой так случается помимо их желания. Конечно, и такие новые ответы далеко не всегда разумны, эффективны и удачны. Ведь путь к новому, тем более эффективному новому, – путь неизвестный, неведомый, на ощупь. Значит, ошибки, в том числе непоправимые, неизбежны. Оттого-то столь часто в истории общества гибнут или клонятся к упадку. Поэтому мы сформулировали «правило особых/исключительных условий для возникновения ароморфоза» (Гринин, Марков, Коротаев 2008: 41–45), *согласно которому для появления новой, эволюционно перспективной модели всегда требуется сочетание особых, в чем-то исключительных условий, уникальное совпадение внешних и внутренних факторов, т. е. новых вызовов и новых удачных на них ответов* (см. подробнее: Гринин 2003: 52–53; 2007в: 7–10, 56–60; Гринин, Коротаев 2007; 2009: гл. 1).

Все ли общества проходят одинаковые стадии развития?

Механизмы действия социальной эволюции достаточно часто представляют однотипными и в изменении отдельного общества на небольшом отрезке, и в глобальных трансформациях мир-систем и всего человечества на протяжении огромных временных периодов. Это распространенный недостаток взглядов на сложные процессы в общественных науках, и именно с таких позиций нередко пытаются анализировать общественные законы, движущие силы исторического процесса, прогресс и т. д. Имманентно многие обществоведы при таком анализе подразумевают: если уж признавать действие какого-то фактора ведущим, то везде, всегда, в каждом эпизоде, в каждой клеточке общества. В результате получается абсурд.

Такой подход есть замаскированное представление о том, что эволюционные законы должны касаться всех социальных организмов в одинаковой степени и в одних и тех же проявлениях, что ос-

новое изменение идет именно на уровне организмов¹³. Но это не совсем так. А в отношении важнейших, критических, ароморфных изменений тем более совсем не так. «Претенциозное утверждение, будто бы каждый народ должен пройти через какую-то представленную в нашей истории стадию, прежде чем достигнуть того или иного пункта, более невозможно поддерживать», – справедливо утверждал еще в начале прошлого века Роберт Х. Лови (Lowie 1920: 441). Сорок лет назад Теодор Шидер с горечью отмечал, что эволюционная схема, в соответствии с которой все народы и культуры проходят одни и те же ступени развития, возникла еще в XVIII веке, но, хотя она не соответствует результатам исследований, до сих пор оказывает на отдельные науки, такие, например, как этнография, громадное воздействие и устраняется с чрезвычайным трудом (Шидер 1977: 161). То, что подобные мысли высказывались много десятилетий назад, а вопрос по-прежнему остается актуальным, свидетельствует о том, как медленно в социальной науке решаются некоторые проблемы.

В целом в общеисторическом плане только незначительное меньшинство ответов на вызовы было способно стать источником системных ароморфозов. А значит, большинство обществ было не в состоянии перейти на новый качественный уровень: у них отсутствовали необходимые потенции, или в их конструкции существовали некие «дефекты», или система была слишком жесткой, чтобы легко трансформироваться, либо требовались такие условия, которые никак не возникали; могло это происходить и по иным причинам.

Поэтому взгляд, согласно которому все общества и народы имеют одинаковые стадии развития и различаются только временем их прохождения, принципиально не верен. Эволюция – это, образно говоря, не широкая лестница, по которой раньше или позже могут подняться в одном направлении и самостоятельно все, а самый сложный лабиринт, выход из которого без заимствований находят лишь некоторые (и то только на каком-то определенном этапе, а в конечном счете найти «выход из лабиринта» совсем без всяких заимствований не смогло ни одно общество). Иными словами, далеко не каждое конкретное общество является повторением в ма-

¹³ Между тем очевидно, что во многих случаях главные изменения идут на уровне крупных групп (кластеров) обществ, внутри которых только и могут выделиться особые проходные социумы, которые становятся первопроходцами, гегемонами или образцами для подражания.

лом масштабе общего эволюционного развития, а только некоторые из них и лишь на отдельных периодах макроэволюции (и то с большими оговорками). **Дело в том, что эволюционный прорыв к качественно новому уровню (ароморфозу) в одном месте (обществе) может состояться только за счет гибели, стагнации, движения вбок и т. п. массы других обществ.** Данный принцип был сформулирован нами как «правило платы за ароморфный прогресс» (см.: Гринин, Марков, Коротаев 2008: 80–81).

Это можно подтвердить, скажем, на примере образования государства. Потребовались тысячелетия, чтобы эволюционные преимущества этой новой политической формы ясно выявились, и она стала господствующей. Но при этом десятки тысяч политических организмов исчезли как самостоятельные, навсегда потеряв шанс ими стать.

Почему, допустим, соседи Руси – печенеги и половцы – так и не создали государства? Почему не возникло государство у галлов, хотя по уровню культуры, численности населения, развитию городов и торговли они заметно превосходили многих других, например саксов и англов, захвативших Британию? (Об очень высоком уровне развития доримской Галлии см., например: Chadwick 1987; Тевено 2002.) Приведем и более близкую аналогию. Были ли в рамках Мир-Системы позднего Средневековья и начального периода Новой истории (XV–XVIII века) неизбежными процессы объединения мелких, близких в этническом отношении политий (княжеств, герцогств, курфюршеств, городских республик и т. п.) в крупные централизованные государства? Несомненно. Однако в Италии и Западной Германии таких государств в этот период не сложилось. И появились они много позже уже под определяющим внешним влиянием. А в Польше, например, сильная королевская власть так и не была создана никогда. Для россиян также не лишним будет напомнить, что наша собственная страна отклонилась от, казалось бы, неизбежного (в контексте общей эволюции Мир-Системы XIX–XX веков) развития в сторону современной демократии и укрепления частной собственности. Да и сегодня процесс глобализации резко делит страны и народы на тех, кто будет играть важную роль в новом глобализующемся мире, и тех, кто будет (по крайней мере, на протяжении ближайших десятилетий) преимущественно объектом глобализационных изменений.

Таким образом, хотя вполне правильно считать государство неизбежным результатом социальной эволюции, однако это утверждение верно только в самом общем плане – в той мере, в какой речь идет о государстве как итоге длительной конкуренции разных форм, их гибели, трансформаций, социального отбора и т. п. Другими словами, это верно в целом для ведущей линии развития человечества. **Но для каждого общества в отдельности государство не было неизбежным (особенно для тех периодов, когда оно еще не было абсолютно господствующим институтом).**

Ведь государство являлось не только совершенно новым решением проблем, стоящих перед усложнившимися обществами, но и путем, который означал разрыв со многими из прежних отношений и традиций. А сделать это достаточно трудно и не всегда возможно. Поэтому многие общества и шли собственной дорогой, которая, однако, нередко вела к иным результатам, в частности к сверхразвитию прежних тенденций (см., например: Гринин 2007б; Grinin 2003; Гринин, Коротаев 2007; 2009: Экскурсы 6) или к становлению принципиально новых форм сложной политической организации, качественно отличной от государственных систем (см., например: Коротаев, Крадин, Лынша 2000). Подобное развитие могло вести, например, к крайней сакрализации правителя; к сверхусложнению родственных отношений и образованию аристократического сословия привилегированных родов и родственных линий; к усложнению сетевых горизонтальных (вместо вертикальных иерархических) связей; жесткому закреплению профессиональных и социальных различий (кастовая система); к созданию конфедераций племен, гражданских общин или городов без сильной центральной власти (но с эффективными альтернативными механизмами межсоциумной интеграции), или к другим моделям. При этом выбор направления развития всегда связан со многими конкретно-историческими причинами (подробнее см.: Гринин 2007б; 2007в; Grinin 2003; 2004; Гринин, Коротаев 2009: Экскурсы 3–6).

Нередко судьба отдельного общества зависит и от случайностей, особенно в периоды неустойчивых, бифуркационных его состояний. В частности, в моменты появления государств и других сложных политических систем в массе изменяющихся обществ могли возникать своего рода зоны бифуркации, в которых те или иные, казалось бы, не слишком значительные события могли сыграть решающую, а то и роковую роль. Так, например, Чингисхан еще до провозглашения его верховным ханом несколько раз чудом

избегал смерти, причем один раз его искали триста погнавшихся за ним всадников. Но мало ли ханов было убито? Однако погибни этот – и гигантской империи не возникло бы. Ведь история кочевников говорит, что порой проходили сотни лет, пока появлялся деятель, способный до такой степени сплотить их. А Монгольскую империю и вовсе нужно рассматривать как исключительный случай (Barfield 1991: 48). В Новое время бифуркационные состояния особенно часто возникали в период революций, во время которых роль личностей и с ними связанных случайностей возрастала необыкновенно (см. подробнее: Гринин 2008).

Таким образом, с одной стороны, любой эволюционный скачок подготавливается всем предыдущим развитием и опытом за счет неудачных попыток нащупать новый путь, все большим назревaniem потребностей в «решении задачи», пока линия макроэволюции не выйдет туда, где создались наилучшие условия для прорыва. Но с другой, где и как это произойдет – вопрос конкретного исторического случая и совпадения особых условий. Следовательно, хотя конкретная инновация или даже эволюционно значимый ароморфоз (адаптированный затем целым рядом обществ) очень часто появляется в каком-то конкретном обществе в конкретное время и в результате особых условий, очевидно, что причины и условия появления этого эволюционного изменения нельзя искать только в особенностях породившего его социума. Какие бы особо благоприятные условия в данном обществе для рождения социального ароморфоза ни создались, данные условия всегда подготавливались развитием множества других предшествующих и современных ему обществ, даже если их усилия были неудачными или неосмысленными. А часто они подготавливались как раз такими неудачными поисками новых путей (в этом, собственно, и заключается вышеуказанное правило «платы за ароморфный прогресс», а также здесь можно использовать и сформулированное нами «правило ароморфной эстафеты») [Гринин, Марков, Коротаев 2008: 37–39]).

Ароморфозы и исторический масштаб

Для появления значимых социальных ароморфозов нужны определенный (гораздо более широкий, чем одно общество) исторический и географический масштаб (часто масштаб Мир-Системы) и большое «видовое» разнообразие определенных социальных форм (см., например: Гринин 1997; см. также: Гринин, Коротаев 2007; 2009). Так, рождение первичной системы машинного производства

в хлопчатобумажной промышленности Англии в 1730–1760-е годы, а затем и появление системы паровых машин определялись, с одной стороны, общим уровнем развития, интегрированности и потребностей Европы и мира, а с другой – уникальными особенностями предшествующей истории Британии (см. об этом: Гринин 2003: 139–140) и событиями, которые в отношении появления машинной промышленности выглядят достаточно случайными. Среди последних, в частности, был запрет на ввоз индийских, китайских и персидских хлопчатых набивных тканей в Англию. Это была обычная протекционистская мера, предпринятая под давлением производителей шерстяных тканей (Манту 1937: 160). Таких запретов в это время в каждой проводившей меркантилистскую политику европейской стране, включая Англию, вводилось множество, но революционных последствий они, как правило, не вызывали. Поскольку такой закон был утвержден после достаточно упорной борьбы и, значит, его принятие вполне могло и не состояться – а это и есть случайность, – можно задаться вопросом: как бы формировался тогда машинный способ производства? На наш взгляд, переход к нему мог затянуться и даже состояться в другом месте, т. е. не в Англии. Однако раньше или позже такой ароморфоз имел бы место с исключительно высокой степенью вероятности (см. интересные рассуждения на эту тему Вильяма Макнила: McNeill 1990). Таким образом, запрет на ввоз тканей сыграл роль удачной случайности (наряду с некоторыми другими).

Однако в целом то, что обычная протекционистская мера выполнила функцию пускового механизма в процессе формирования нового способа производства, объясняется тем, что одновременно и Мир-Система в целом, и Англия как достаточно передовая, но все же еще полупериферийная ее часть (именно та, в которой легче могли произойти ароморфные изменения)¹⁴ уже были готовы к такому рывку. Уже существовала ранняя капиталистическая система и появился промышленный принцип производства (см.: Гринин 2003: 123–138; 2007а: 73–78), создались колониальные империи и мощно развивалась мировая торговля (результатом чего и стал наплыв индийских тканей в Европу). Следует также учитывать наличие колоссального технического прогресса. В частности, история

¹⁴ Этот принцип сформулирован нами как «правило периферийного организма» (Гринин, Марков, Коротаев 2008: 67–68).

паровой машины насчитывала к концу века уже более ста пятидесяти лет (см., например: Манту 1937: 264).

Вот почему в определенном смысле вполне можно говорить, что появление нового ароморфного качества **всегда есть синтез надобщественного (цивилизационного, регионального, мир-системного, вплоть до общечеловеческого) масштаба развития и особенностей осуществившего инновацию общества**. Кроме того, значимая инновация становится макросоциальным ароморфозом, только если она распространяется значительно дальше породившего его общества. Только тогда она эволюционно закрепляется и способна вызывать дальнейшие изменения. Но в социальной эволюции достаточно часто возникают инновации, которые не принадлежат ни одному обществу в отдельности, а являются как бы общим достоянием. Таким общим достоянием всех мусульман, например, ислам сделал Каабу, которая и до этого была сакральным местом для многих племен Аравии. И создание такой общеисламской святыни внесло свой вклад в формирование исключительно важного института паломничества, сыгравшего огромную роль в истории исламской (и мировой) цивилизации (см., например: Коротаяев, Клименко, Прусаков 2007). К числу таких институтов относятся и общечеловеческие организации (Лига Наций, ООН).

В этой связи важно отметить и следующее. Для каждого типа обществ **есть свой определенный предел, потолок развития, выше которого они не могут подняться, не изменив свои важнейшие параметры (или, образно говоря, свой «культурный код»)**. Дальше этого предела общество обычно способно пойти только под воздействием более развитых соседей и при необходимой структурной трансформации (соответственно и модель развития будет связана с таким воздействием: см. ниже). Если же такой переход к более высокому уровню развития происходит впервые (или самостоятельно), то он может осуществиться только в результате ароморфоза, т. е. выпадения из общего ряда развития, как новая «веточка» эволюции.

В большинстве же случаев общества, достигая указанного «потолка» развития, вступают в стагнацию или кризис (например, в социально-демографический кризис), причем часто не в силах радикально разрешить его. Такое государство может и вовсе исчезнуть, чтобы на его развалинах раньше или позже появились новые. В древней и средневековой истории легко найти примеры такого подъема и гибели государств и цивилизаций. Однако в некоторых

случаях пережившее кризис государство сохраняется или возрождается. А затем оно может оказаться способным, начав очередной цикл подъема с новой отметки, существенно продвинуться по социальной эволюции. Именно так неоднократно бывало, скажем, в истории Китая, пережившего с момента образования первой империи по меньшей мере семь крупных циклов подъема и упадка. Однако в своем развитии эволюционирующее общество часто пропускает наиболее удачный момент для качественной мутации и трансформации, которые бы вывели его на новую, более перспективную эволюционную траекторию. Например, в Китае от кризиса к кризису эволюционировало государство и его способность поддерживать рост населения, пока в период династии Цинь в XVIII–XIX веках его численность не достигла поистине поразительных показателей (подробнее см., например: Коротаев, Комарова, Халтурина 2007: 68–112; Гринин 2003: 123–124; 2007б: 261–265). Но тем самым Китай, возможно, все дальше уходил от направления технического и производственного капиталистического развития, которое «избрала» Европа, а через некоторое время, по большей части вынужденно, и все остальные зоны Мир-Системы. Иными словами, эволюция может быть очень значимой, но вектор такой эволюции направлен в иную сторону, чем в конечном счете он оказывается направленным в тех обществах, которые такой прорыв осуществили. **Именно поэтому такую наглядную, но все же «боковую», эволюцию нельзя считать арогенной эволюцией.** Эволюционное движение, подобное китайскому, осуществляясь по пути сверхразвития старой траектории, скорее даже отдаляет общество от точки, от которой возможно было еще совершить ароморфный эволюционный скачок.

Таким образом, как уже было сказано выше, арогенная макроэволюция в одних местах происходила за счет кризиса, гибели или развития в тупиковом направлении многих других обществ. Однако отметим, что по мере развития все новых социальных факторов (особенно промышленного производства, науки, классовой и партийной борьбы, современных идеологий и т. д.), а также ослабления изоляции обществ значение жесткого социального отбора уменьшается, а роль социального реформирования усиливается. По мере же интеграции человечества и появления у него общих проблем и своего рода международной «этики» реформирование начинает частично перерастать в то, что можно было бы очень условно назвать социальным моделированием (т. е. конструированием мо-

дели общества и планированием его функционирования и развития в соответствии с этой моделью). Разумеется, эти способы развития еще в начальной стадии и полностью себя не проявили¹⁵. А роль спонтанной неконтролируемой социальной макроэволюции хотя и ослабла, но все же сохраняется в очень высокой степени.

Заключение. Ароморфозы, общественная и надобщественная макроэволюция

Эволюционный механизм крупного ароморфоза в нашем понимании схематично выглядит следующим образом. Эти редкие важнейшие инновации рождаются в отдельных социумах и в значительной мере именно за счет внутренних факторов. Но рождаются они в результате особого стечения обстоятельств, поскольку в подобных особо эволюционно значимых обществах прежде должны собраться, воплотиться, аккумулироваться достижения многих социумов (в результате множества процессов и случайностей), а уже затем данный социум сможет при удачном сочетании факторов, включающем и удачную внешнюю обстановку, творчески их переработать. Все это значит, что в процессе возникновения социального ароморфоза роль внешней среды всегда велика, а иногда исключительно велика. Но само по себе рождение ароморфной инновации является, по сути, только началом процесса формирования ароморфоза. Дело в том, что, появившись в одном, «избранном» эволюцией месте, это новое качество не может закрепиться без распространения на другие общества, что иногда занимает очень длительное время (явление длительной задержки в распространении ароморфозов мы назвали *правилом отсроченного ароморфоза* [Гринин, Марков, Коротаев 2008: 58–60]). Причина в том, что для его распространения требуется определенное воздействие обществ-первопроходцев на другие (в виде завоевания или иного навязывания; либо, напротив, само передовое общество подвергается завоеванию, и завоеватели усваивают эти достижения; или в виде обмена, распространения путем миграции людей, доказательства преимуществ в конкурентной борьбе и т. п.). Здесь следует обратить внимание на такую важную особенность. Поскольку **распространение данного ароморфного достижения происходит за счет**

¹⁵ Фактически, конечно, пока в моделировании преобладает, если можно так выразиться, модель «скрещивания», при котором местный тип общества «скрещивается» с образцом передового. Но конечные результаты такого моделирования часто сильно отличаются от первоначально планируемого.

влияния общества – создателя данной инновации, следовательно, для других обществ появление этой проходной инновации есть уже не внутренний, а внешний фактор. А в результате степень внутренней готовности заимствующих обществ, равно как и степень благоприятности условий для заимствования, определяет степень самостоятельности такого перехода, а соответственно и модель трансформации, например: а) догоняющую; б) модернизационную; в) принудительную или полупринудительную (в процессе оккупации, колониальной или иной сильной зависимости); г) специализированную (заимствование в условиях особой специализации общества); д) готовую (полное копирование). Следовательно, появляются разные модели развития, уже существенно отличные от первичной. Также можно сделать вывод, что *чем шире распространяется новая модель, тем, с одной стороны, легче она заимствуется, а с другой – тем менее исключительные условия для этого требуются*. В конце концов эти институты начинают заимствоваться просто в готовом виде¹⁶.

Литература

Арон, Р. 2004. *Избранное: Измерения исторического сознания*. М.: РОССПЭН.

Гринин, Л. Е.

1997. Формации и цивилизации. Глава 1. *Философия и общество* 1: 10–88.

2003. *Производительные силы и исторический процесс*. 2-е изд. Волгоград: Учитель.

2006. Периодизация истории: теоретико-математический анализ. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (ред.), *История и Математика: проблемы периодизации исторических макропроцессов* (с. 53–79). М.: КомКнига/URSS.

2007а. *Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса*. М.: КомКнига/URSS.

2007б. *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому*. М.: КомКнига/URSS.

¹⁶ Например, мировые религии заимствовались достаточно легко, тогда как языческие – значительно труднее. Легко также вспомнить, как долго распространялся институт государства в период до начала I тыс. до н. э. А затем изобретение железа, распространение земледелия на новые территории, развитие торговли, появление денег и прочие технологические инновации стали все быстрее втягивать народы в государственность. А когда империи стали ее прямо навязывать, процесс пошел еще быстрее.

2007в. *Государство и исторический процесс. Эпоха образования государства: общий контекст социальной эволюции при образовании государства*. М.: КомКнига/URSS.

2007г. Проблемы анализа движущих сил исторического развития, общественного прогресса и социальной эволюции. В: Семенов, Ю. И., Гобозов, И. А., Гринин, Л. Е., *Философия истории: проблемы и перспективы* (с. 148–247). М.: КомКнига/URSS.

2008. О роли личности в истории. *Вестник РАН* 78(1): 42–47.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В.

2007. Социальная макроэволюция и исторический процесс (к постановке проблемы). *Философия и общество* 2: 19–66; *Философия и общество* 3: 5–48; *Философия и общество* 4: 17–50.

2009. *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы*. М.: URSS (в печати).

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (ред.) 2006. *История и Математика: проблемы периодизации исторических макропроцессов*. М.: КомКнига/URSS.

Гринин, Л. Е., Малков, С. Ю., Коротаев, А. В. 2006. Время наводить мосты. Введение. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. 2006: 4–11. М.: КомКнига/URSS.

Гринин, Л. Е., Марков, А. А., Коротаев, А. В. 2008. *Макроэволюция в живой природе и обществе*. М.: ЛКИ/URSS.

Данто, А. 2002. *Аналитическая философия истории*. М.: Идея-Пресс.

Классен, Х. Й. М.

2000. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма. В: Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лыньша, В. А. (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации* (с. 6–23). М.: Логос.

2006. Было ли неизбежным появление государства? В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 71–84). Волгоград: Учитель.

Коллингвуд, Р. Дж. 1980. *Идея истории. Автобиография*. М.: Наука.

Коротаев, А. В.

1997. *Факторы социальной эволюции*. М.: Ин-т востоковедения РАН.

2003. *Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции*. М.: Вост. лит-ра.

2006. Периодизация истории Мир-Системы и математические макро-модели социально-исторических процессов. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (ред.), *История и Математика. Математические модели периодизации исторических макропроцессов* (с. 116–167). М.: КомКнига/URSS.

Коротаев, А. В., Клименко, В. В., Прусаков, Д. Б. 2007. *Возникновение ислама: Социально-экологический и политико-антропологический контекст*. М.: ОГИ.

Коротаев, А. В., Комарова, Н. Л., Халтурина, Д. А. 2007. *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны*. М.: КомКнига/URSS.

Коротаев, А. В., Крадин, Н. Н., Лынша, В. А. 2000. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). В: Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А., (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации* (с. 24–83). М.: Логос.

Куббель, Л. Е. 1988. Возникновение частной собственности, классов и государства. В: Бромлей, Ю. В. (ред.), *История первобытного общества. Эпоха классовообразования* (с. 140–269). М.: Наука.

Манту, П. 1937. *Промышленная революция XVIII столетия в Англии*. М.: Соцэкгиз.

Мельникова, Е. А. 1987. *Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе*. М.: Мысль.

Риккерт, Г. 1998. *Науки о природе и науки о культуре*. М.: Республика.

Северцов, А. Н.

1939. *Морфологические закономерности эволюции*. М. – Л.: Изд-во АН СССР.

1967. *Главные направления эволюционного процесса*. М.: Изд-во Московского ун-та.

Северцов, А. С. 1987. Критерии и условия возникновения ароморфной организации. В: Татаринов, Л. П., Расницын, А. П., (ред.), *Эволюция и биоэнетические кризисы* (с. 64–76). М.: Наука.

Тевено, Э. 2002. *История галлов*. М.: Весь мир.

Тойнби, А. Дж. 1991. *Постижение истории*. М.: Прогресс.

Хоцей, А. С. 2000. *Теория общества. Т. 2. Становление бюрократии. Цивилизация*. Казань: Матбугат Йорты.

Шидер, Т. 1977. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках. В: Кон, И. С. (ред.), *Философия и методология истории* (с. 143–167). М.: Прогресс.

Barfield, T. 1991. Inner Asia and Cycles of Power in China's Imperial History. In Seaman, G., and Marks, D. (eds.), *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery* (p. 21–62). Los Angeles, CA: Ethnographics Press.

- Blair, P. H.** 1966. *Roman Britain and Early England 55 B.C. – A.D. 871*. N. Y., NY – London: W. W. Norton and Company.
- Carneiro, R. L.**
1973. The Four Faces of Evolution. In Honigman, J. J. (ed.), *Handbook of Social and Cultural Anthropology* (p. 89–110). Chicago, IL: Rand McNally.
2000. *The Muse of History and the Science of Culture*. N. Y., NY: Kluwer Academic / Plenum Publishers.
2003. *Evolutionism in Cultural Anthropology. A Critical History*. Boulder, CO: Westview.
- Chadwick, N.** 1987. *The Celts*. London: Penguin.
- Claessen, H. J. M.**
1989. Evolutionism in Development. *Vienne Contributions to Ethnology and Anthropology* 5: 231–247.
2000a. Problems, Paradoxes, and Prospects of Evolutionism. In Kradin, N. N., Korotayev, A. V., Bondarenko, D. M., de Munck, V., and Wason, P. K. (eds.), *Alternatives of Social Evolution* (p. 1–11). Vladivostok: FEB RAS.
2000b. *Structural Change: Evolution and Evolutionism in Central Anthropology*. Leiden: CNWS Press.
2002. Was the State Inevitable? *Social Evolution & History* 1: 101–117.
- Grinin, L. E.**
2003. The Early State and its Analogues. *Social Evolution & History* 2(1): 131–176.
2004. Democracy and Early State. *Social Evolution & History* 3(2): 93–149.
- Harris, M.**
1968. *The Rise of Anthropological Theory*. N. Y., NY: Crowell.
1979. *Cultural Materialism: The Struggle for a Science of Culture*. N. Y., NY: Random House.
- Ingold, T.** 1986. *Evolution and Social Life*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lenski, G.**
1966. *Power and Privilege*. N. Y., NY: McGraw-Hill.
1970. *Human Societies: A Macrolevel Introduction to Sociology*. N. Y., NY: McGraw-Hill.
- Lowie, R. H.** 1920. *Primitive Society*. N. Y., NY: Boni and Liveright.
- McNeill, W. H.** 1990. Rev.: Ernest Gellner. *Plough, Sword, and Book. The Structure of Human History*. Chicago: University of Chicago Press. *Theory and History* (May): 234–240.
- Parsons, T.** 1966. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Sahlins, M. D.

1960. Evolution: Specific and General. In Sahlins and Service 1960: 12–44.

1972. *Stone Age Economics*. N. Y., NY: Aldine de Gruyter.

Sahlins, M. D., Service, E. R. (eds.) 1960. *Evolution and Culture*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Sanderson, S. K.

1990. *Social Evolutionism. A Critical History*. Cambridge, MA – Oxford, UK: Blackwell.

1999. *Social Transformations. A General Theory of Historical Development*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.

Service, E. R.

1962. *Primitive Social Organization*. N. Y., NY: Random House.

1975. *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. N. Y., NY: Norton.

Stanford, M. 1998. *An Introduction to the Philosophy of History*. Malden. USA – Oxford, UK: Blackwell.

Steward, J. H.

1949. Cultural Causality and Law. A Trial Formulation of the Development of Early Civilizations. *American Anthropologist* 51: 1–25.

1972 [1955]. *Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution*. Urbana, IL: University of Illinois Press.

Walsh, W. H. 1992. *An Introduction to Philosophy of History*. Bristol: Thoemmes Press.

White, L. A. 1949. *The Science of Culture. A Study of Man and Civilization*. N. Y., NY: Farrar, Straus and Company.